

Подумав о том, в какие «объятия» к Ду Цзину лучше сейчас не попадать, Лю Сюаньань решил, что поспать ещё немного — неплохая идея. Прополоскал рот, забрался на кровать, укутался в одеяло и снова отправился на встречу с Чжоу-гуном[*]. На этот раз древние мудрецы в бамбуковой роще не появились. Вместо них он встретил князя Сяо, который, развалившись на спине белого журавля и поигрывая длинным мечом, лениво поинтересовался:

— Так вот они, твои три тысячи путей Дао?

Лю Сюаньань, хоть и удивился, гостя принял радушно. Тоже взгромоздился на журавля и приземлился рядом, и тут заметил, что одежда Лян Шу вся в крови, некоторые пятна ещё свежие, алая краска заляпала белоснежные перья.

В его нетленном мире впервые появился чужеродный цвет. Лю Сюаньань вздохнул и собрался было отвести гостя к источнику — смыть кровь, угостить небесными плодами, — как наткнулся на ватагу босоногих мудрецов в белых одеждах. Те, словно под хмельком, громко спорили о «беспутности Поднебесной» и о том, как «не служить до конца дней, дабы исполнить волю свою». Лю Сюаньань поспешил увести Лян Шу в сторону, подальше.

Место, куда он привёл гостя, было куда прекраснее источника. С горных вершин струились тонкие водопады, рассыпаясь на воде мириадами кругов. Берег утопал в опавших лепестках, небесные травы колыхались на ветру, а меж ними то и дело пробегали нефритовые зайцы. Это был любимый уголок второго господина Лю, его личные владения.

— Чего ты их испугался? — спросил Лян Шу.

Лю Сюаньань устроился на прибрежном камне, наблюдая, как тот купается:

— Они проповедуют недеяние и бесполезность, уход от мира и самосохранение. С вами у них пути разные, встретятся — начнётся драка.

Лян Шу, погружённый в воду по плечи, фыркнул:

— Недеяние и бесполезность? То есть, на страдания мира плевать?

— Не совсем, — Лю Сюаньань подпер голову рукой, подумал. — Недеяние и есть высшее деяние, и тогда Поднебесная сама обретёт покой. Правление через недеяние. Бесполезное — нетленно, такова его природа.

Лян Шу хмыкнул:

— Надо бы их всех в гущу смуты отправить, пусть поглядят, какого проку в их «недеянии».

Лю Сюаньань подумал, что князь Сяо и впрямь не слишком дружелюбен: только явился — уже друзей его гонит. Он наставительно пояснил:

— Если придёте ещё раз, ждите меня у этого водопада. Никуда не бродите, ясно?

Лян Шу презрительно фыркнул. Он поднялся из воды. Тело его было крепким, с рельефными мышцами. Капли скатывались с плеч на грудь, исчезая ниже пояса. Лю Сюаньань, увидев в водной глади смутное отражение, поспешно сказал:

— Постойте, я вам одежду найду...

Бульк.

Князь Сяо стоял на берегу, заявив:

— Белое не ношу.

Лю Сюаньань уставился на него, разинув рот.

И тут же проснулся.

Он резко сел на кровати, сердце колотилось, словно пыталось вырваться. Тени под водой в памяти стояли перед глазами неестественно чётко. Лю Сюаньань аж дух захватило. Он накрылся с головой одеялом, не понимая, отчего сон выдался таким... детальным. За окном уже стояла ночь, царила полная тишина. А-Нин, наверное, давно спит, так что никто не застал ночной конфуз второго господина Лю.

«Как же это неприлично, — корил он себя. — Князь Сяо впервые в гости пожаловал, а я ему во сне даже одежды не удосужился предоставить».

Полежав так некоторое время в тёмном коконе, он почувствовал, что сердце успокоилось. Сел, обхватил колени, уставился в окно.

Луна в ту ночь светила ярко, до жути ярко. Серебряный диск был обведён кровавой каймой. Горные просторы простирались до самого горизонта, высокие травы пригибались под ветром единым пластом. Эхо гуляло меж скал, завывая и шелестя, словно плач.

Иногда от слишком гнетущей тишины нечем дышать. Лю Сюаньань вытер со лба испарину, сполз с кровати, отпил воды из кувшина. Раз уж сна ни в одном глазу, решил он, можно и труп допрепарировать.

Взяв масляную лампу, он отправился доделывать работу.

В покойнице он зажёл свечи одну за другой, закрыл окна и дверь, оставив лишь узкую щель для воздуха. Тело Ду Цзина выглядело куда отвратительнее, чем днём. Лю Сюаньань придвинулся вплотную, пытаясь разобрать: то ли гу всё ещё шевелятся, то ли это от дрожащего пламени свечей тени пляшут.

Лян Шу стоял у окна, наблюдая сквозь щель, как Лю Сюаньань чуть ли не носом тыкается в тело. У него в голове вертелся один вопрос: как это его вообще не воротит?

Рядом была Чэн Суюэ. Князь Сяо отправил её за сладостями, но внизу, в городе, все лавки уже закрылись — где там купить лепёшек. Однако Чэн-гунян знала нрав своего господина и всё же разбудила одного хлеботорговца, заставив его приготовить свежую партию. Поэтому вернулась она поздно.

Прижимая к груди ещё тёплый свёрток, она с восхищением прошептала:

— Второй господин Лю и впрямь удивительный.

Она говорила очень тихо, но слух у Лю Сюаньяна был отменный. Он оторвался от работы, повернувшись к окну.

Лян Шу взял у неё свёрток с лепёшками, кивком отпустил отдыхать, а сам толкнул дверь:

— Давно здесь?

— Только пришёл, недавно, — отозвался Лю Сюаньань.

Увидев князя Сяо, он тут же вспомнил про купание у водопада и предпочёл снова уткнуться взглядом в Ду Цзина, пока сердце колотилось, словно пытаюсь вырваться из груди и улететь в небеса.

Лян Шу, ничего не ведая о событиях в мирах трёх тысяч путей, позвал его:

— Руки вымой и выходи, перекусим.

Лю Сюаньань пинцетом извлёк очередного гу:

— Не буду. Не закончил. И не голоден. Ваше Высочество, раздайте другим.

Лян Шу нахмурился:

— Это не ты сластей требовал? Быстро.

Сказал и вышел. Спустя мгновение Лю Сюаньань всё же последовал за ним. Они нашли плоский камень. Лян Шу протянул ему лепёшки, а сам отвязал от пояса бурдюк с вином.

Лю Сюаньань наколол бамбовкой кусочек, откусил. На язык полился сладкий коричный мёд. На вкус не такой, как у поваров из Поместья Белого Журавля, но тоже хорош. Летние ночи уже не холодали, дул лёгкий ветерок. Сидеть на свежем воздухе, с тёплой лепёшкой в руках, было приятно.

Лян Шу откупорил бурдюк.

Лю Сюаньань, чьё обоняние было не в пример острее, тут же спросил:

— «Песнь западного ветра»?

Лян Шу удивился:

— И в вине разбираешься?

— Частенько прикладываюсь, — признался Лю Сюаньань.

Не до беспамятства, а чуть-чуть, до состояния лёгкой дымки в голове. Тогда стоит закрыть глаза — и вот ты уже взлетаешь к чертогам небесным, чтобы вместе с небожителями звёзды с луной ловить.

Лян Шу протянул ему бурдюк.

Лю Сюаньань сделал маленький глоток. Вино ударило в глотку, обжигаяще-острое, точно ветер с северо-запада, от которого глаза сами закрываются. Но когда жар улёгся, осталось долгое, тягуче-сладкое послевкусие.

— Хорошее вино, — оценил он и вернул бурдюк, принявшись доедать лепёшку. Вспомнил:

— А как там со старшим писарём, Лу Шоу? Ваше Высочество выяснили? Он тоже из Учения Белого Благословения?

— Нет, — ответил Лян Шу. — Забудь про него. Ши Ханьхай разобрался — дурень бестолковый,

вот и всё.

Ученики Ду Цзина тоже мало что смогли рассказать. Не то чтобы не хотели — рвались говорить, да только сами почти ничего не знали. Смогли лишь сообщить, что Ду Цзин пользовался особым доверием у главы Учения Белого Благословения, потому его и послали в Город Алых Облаков сеять гу. Если бы дело спорилось, ту же схему применили бы и в других городах.

— И это вся их цель? — переспросил Лю Сюаньань. — Сначала посеять смуту, а потом явиться в образе спасителей. Звучит не особо оригинально.

— Но для того, чтобы одурманить толпу и возвести на пьедестал ложного бога, сойдёт, — сказал Лян Шу. — А ещё забавный момент: судя по их словам, этих гусов лично изготовил сам великий наставник секты. Трудился годами, похвалялся, что даже глава Поместья Белого Журавля их не распознает.

А второй господин Лю раскрыл весь заговор меньше чем за полдня. Видно, дураку хоть сколько трудись — толку не будет. Лучше уж и не трудиться.

— Но это и вправду было несложно, — заметил Лю Сюаньань.

— Вот именно этими словами и этим тоном, — сказал Лян Шу, — повтори ему, когда встретишь того самого наставника Белого Благословения. Посмотрим, не испустит ли он дух на месте. Палачу работы поубавится.

Лю Сюаньань усмехнулся, завернул оставшуюся лепёшку:

— С телом Ду Цзина я управлюсь за день. Ваше Высочество надолго в горы пожелуете?

[*] Чжо-гун — легендарный правитель древности, символ мудрости. «Встретаться с Чжо-гуном» — идиоматическое выражение, означающее «видеть сны», «спать».

<http://bllate.org/book/16268/1464158>